

Вырезка из газеты

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЯКУТИЯ

г. Якутск

18 ИЮЛ 1982

Звездный час певицы

ВЫСТУПИТЬ в главной или эпизодической роли (партии) на первой музыкальной сцене страны — на сцене прославленного Большого театра Союза ССР — высокая честь и ответственность для любого солиста — от корифея исполнительского искусства до его рядового служителя. Бывает, что к такому звездному часу артист готовит себя всю жизнь.

Именно в такой готовности вышла на сцену ГАБТа народная артистка РСФСР, лауреат международных конкурсов солистка Якутского музыкального театра Анегина Ильина. И как результат — значительный, далеко не рядовой ее успех в спектакле Большого театра на сцене Кремлевского Дворца съездов, где она пела партию Любаши в опере Римского-Корсакова «Царская невеста». Партия эта престижная, этапная во всех аспектах оперного искусства, утверждающая творческую зрелость исполнителя.

Выступление Ильиной, по оценкам коллег, специалистов, режиссера О. М. Моралева, дирижера Р. З. Вартамяна, стало праздником якутского оперного искусства. Для Анегины Ильиной партия Любаши могла предстать трудностью уже по-

тому, что она традиционная, много поющая. Но с первой реплики «Здорово, крестный», спетой Анегиной «глаз в глаз» Малюте, я почувствовал не просто оперную Любашу, но женщину любящую страстно, гордо и самозабвенно.

В тот вечер Анегине удалось все: органичная пластичность в сцениграфии образа, убедительность вокальных фраз, особо волнующая в речитативах, кантиленность, теплота тона.

Анегину Ильину я знаю много лет. Был партнером ее в разных оперных спектаклях на сцене Якутского музыкального театра. И все-таки выход Ильиной — Любаши в финале оперы «Разведайся со мною...» стал для меня настоящим открытием в постижении этого сложного образа. Я впервые почувствовал у Любаши не интонации традиционного злорадства, а чувство отчаявшейся доброты, любящего упрека. Такое внутреннее смещение драматических акцентов не только убеждает, но главное — определяет присутствие настоящего художнического таланта.

Я сознательно не пишу о звучании голоса певицы: удивительно мягкое и ровное ее меццо-сопрано и не нуждается в вокально-технических обобщениях. Для Анегины Ильиной в партии Любаши главным было — найти свое понимание образа, свою вокальную интонацию, свои тембральные характеристики сценических ситуаций. Ведь собственно голос можно иметь и красивее, и больше — и никого этим не удивишь, тем более в наше микрофонно-дисковое время. А вот поиск своей интонации, неповторимости окраски звука — это создание вокально-художественного образа. И в этом плане Ильиной многое удалось. Собственно, в этом и определился ее успех в спектакле.

В беседе с автором этих заметок заслуженная артистка РСФСР Г. В. Дюмидова сказала: «Ильина — великолепная Любаша! Не часто услышишь такое мощное, ровное и осмысленное меццо». А вот мнение партнера Ильиной по спектаклю, заслуженного артиста

РСФСР В. И. Романовского: «Петь с такой Любашей, как Ильина, одно удовольствие. Моему Грязному стоило немалых усилий разлюбить ее. В Любаше — Ильиной интонациях нет угрозы, чем иногда грешат другие исполнительницы, а есть одна мольба цельной и страстной натуры «не погубить души...» Я поздравляю Якутский музыкальный театр с такой певицей!» Р. З. Вартамян — дирижер спектакля, сказал, что Ильина очень музыкальна, гибко реагирует на руки дирижера. Она поет, не просто собирая звуки, ноты во фразы, она поет мысль. А такое умеет далеко не всякий певец.

К. С. Станиславский писал, что высокому полету творчества необходимы доброжелательство и бесстрашие. Успех Анегины Ильиной в спектакле ГАБТа свидетельствовал о высоком взлете ее исполнительского творчества.

А. СОКОЛОВСКИЙ,
артист ГАБТ,
заслуженный артист
Якутской АССР.